

ЕВГЕНИЯ КРИЧЕВСКАЯ

**Тайна склепа семьи Горенко на Афинском кладбище
(История самоубийства Андрея Горенко, чудесного спасения
Марии Змунчилла и рождения Андрея Горенко-младшего)**

Есть такое турецкое слово «кизмет», которое греки позаимствовали у турок, и с тех пор оно является одним из самых употребляемых в их языке: кизмет -судьба, в которую они свято верят.

В моем случае, наверное, также можно говорить о кизмете: в 1996 году, в литературном журнале «Элитрохос» города Патры, западного порта полуострова Пелопоннеса, вышла моя первая опубликованная на греческом языке работа, посвященная Анне Ахматовой.

Это были переводы «Северных Элегий», а также фрагменты из воспоминаний об Анне Ахматовой Анатолия Наймана, под заголовком «Последняя Херсонида». К Анне Ахматовой я вернулась тринадцать лет спустя, участвуя переводами ее эссе о Модильяни и воспоминаний Виктора Ардова об Ахматовой в посвященном творчеству поэтессы номере литературного афинского журнала «Планодион».

Страшно подумать, что историю смерти Андрея Горенко мы могли бы никогда не узнать, или узнали бы слишком поздно – когда могила брата Анны Ахматовой на Первом Афинском кладбище была бы скрыта. Почему – я объясню чуть позже, когда имена действующих лиц нашего рассказа выстроятся в хронологической последовательности.

За десять лет до смерти своего любимого брата Андрея, Анна Ахматова написала стихи «Пришли и сказали: умер твой брат». Как у всех великих поэтов, дар прорицания у Анны Ахматовой, несомненно, был: на Модильяни, по словам самой Ахматовой, произвела огромное впечатление ее способность *«читать чужие мысли и видеть чужие сны»*. Мы не знаем, удалось ли поэтессе «увидеть сон» о страшной смерти своего брата Андрея и «прочитать» его отчаяние, безысходность и тоску в последние дни его жизни в дешевой «спальной» афинской гостинице «Кронион» в самом начале улицы Патисион. Нам же, благодаря чистой случайности дается, однако, редкая возможность восстановить по часам последние дни Андрея Горенко, а также узнать доселе неизвестные подробности его биографии и биографии самой поэтессы.

Может быть, история самоубийства Андрея Горенко еще долго оставалась бы достоянием архивов столичных газет 1920 года, если бы издатель афинского литературного журнала «Планодион», греческий поэт и филолог Яннис Патилис, не решил посвятить 45-ый декабрьский номер 2008 года Анне Ахматовой. В него вошли цикл стихов «Белая стая» в переводе на греческий язык Карла Чижека, а также мои переводы, о которых я упомянула выше.

Биографический очерк журнал позаимствовал у французских исследователей творчества Анны Ахматовой, Жанн и Фернанда Рюд, где бегло упоминалось о том, что *«Брат Андрей*

покончил жизнь самоубийством в Афинах в 1920 году». Признаюсь, что этого факта биографии поэтессы я не знала.

Именно эта фраза и вызвала к жизни целое «расследование», которое было проведено в рекордно короткие сроки, в связи с тем, что журнал отправлялся в типографию, и история потому еще «зияла» значительными пустотами.

Расследование истории самоубийства Андрея Горенко могло, однако, не состояться и вовсе, если бы не помощь «из-за океана». Ниточку в руки нам дал Кирилл Финкельштейн, автор замечательного сайта, где на одной из страниц, повествующих о преподавателях и учениках Царскосельской гимназии, мы и обнаружили имя Андрея Горенко.

Андрей Горенко и его жена Мария решили покончить жизнь самоубийством, будучи не в силах пережить кончину от лихорадки своего четырехлетнего сына. Андрей скончался, а его жена Мария выжила. Уже после похорон Андрея, Мария узнала, что она беременна! Своего сына она назвала Андрей, в честь мужа, и Анна Ахматова встретила со своим племянником лишь в 1965 году, в Лондоне, куда он приехал, чтобы повидаться с ней.

Благодаря усилиям историка литературы Йоргоса Зевелакоса, ориентирующегося в архиве старых газет как в хитром сплетении центральных афинских улиц, удалось установить не только точную дату смерти Андрея Горенко, но и узнать о последних днях его жизни. А также, что немаловажно, о том, как афинское общество тех нелегких годов восприняло смерть никому не известного русского иммигранта.

Журналу удалось также сделать два настоящих литературных открытия: в связи со смертью Андрея Горенко и попыткой самоубийства его жены, в греческой хронике, по-видимому, *впервые* упоминается и имя Анны Ахматовой, «*крупной русской поэтессы*», как гласят газеты. Кроме того, исследователи смогли вырвать у времени тот сногшибательный факт, что прадедом Анны Ахматовой и Андрея Горенко был грек, критянин Эммануил Героспатъяс!

Но вернемся в 1920 год – год кровавой войны Греции с Турцией в Малой Азии, жесточайшей цензуры, глубочайшего кризиса турецкой политики и набирающего силу движения Кемала Ататюрка, в страшный год, последовавший за резней понтийских греков 1919 году, трагедии, предварившей Малоазиатскую катастрофу, уничтожение греческого населения в Смирне.

14 февраля афинские улицы огласились истошными криками мальчишек-газетчиков: «*Двойное самоубийство! Двойное самоубийство русских эмигрантов!*»

Самые первые сведения о трагедии, разыгравшейся в гостинице «Кронион» на улице Патисион, были еще «сырыми» и потому неверными: от укола лошадиной дозы морфия в афинской клинике скончался русский эмигрант Андрей Горенко, его жену, Марию, удалось спасти.

Супруги Горенко в 1919 году прибыли в Грецию через Константинополь из Одессы вместе со своим сыном Кириллом: «*жертвы большевизма спасались от расправы*», - писали афинские газеты.

Поселились они сначала в городе Волосе (древнем Иолкосе, откуда начал свое путешествие в Колхиду корабль Аргонавтов) где четырехлетний Кирилл заболел лихорадкой, а затем переехали в гостиницу в районе Нео Фалиро в Афинах, и там подружились с местным аптекарем Мильтиадисом Сбарунисом. Кирилл от болезни так и не оправился, и скончался в январе 1920 года.

После смерти сына Андрей Горенко и Мария Змунчилла переселились в дешевую гостиницу «Кронион» на улице Патисион, в центре Афин: решение о самоубийстве у них уже окончательно созрело.

Они проплатили первые четыре дня из восьми – именно столько дней Горенки собирались прожить еще на белом свете – и вечером 11 февраля, спустившись в холл и заплатив за остальные дни 7,5 драхм, Андрей и Мария заказали в соседней пивной две кружки пива. Позвонили Мильтиадису Сбарунису и попросили аптекаря прийти к ним в гостиницу утром следующего дня. Ночью, пользуясь одним и тем же шприцем, Андрей и Мария Горенко ввели себе в вену большую дозу морфина.

В 9 часов 12 февраля Мильтиадис Сбарунис в сильнейшем волнении поднялся в комнату четы Горенко. Андрей при смерти лежал одетым на диване, Мария сохраняла признаки жизни, но лицо ее было смертельно бледно. Увидев на столе шприц и морфин, аптекарь моментально понял, что произошло прошлой ночью, и немедленно вызвал полицию и карету Скорой помощи..

В Поликлинике Горенкам оказали первую помощь, а затем отвезли для реабилитации в Муниципальную больницу. Вечером того же дня Андрей Горенко скончался, Мария, хоть и выжила, но была еще слишком слаба, и врачи опасались за ее жизнь.

Перед тем, как сделать себе роковой укол, Андрей Горенко оставил на гостиничном столе три письма. Одно – начальнику полиции, в котором он объяснял причины самоубийства и просил никого не винить в своей смерти. Второе - другу семьи Мильтиадису Сбарунису, где он просил его позаботиться о том, чтобы их с женой похоронили рядом с их умершим сыном, а также поручал ему раздать все оставшиеся после них вещи нуждающимся русским эмигрантам. И, наконец, третье - сестре жены, где он умолял ее не пенять на них за решение положить конец жизни и завещал ее семье все их оставшееся в России имущество, если она, конечно, сможет когда-нибудь претендовать на него.

Похороны Андрея Горенко состоялись 14 февраля, отпели его в Русской Церкви Святой Троицы на улице Филэллинон, а затем в сопровождении русских эмигрантов, живущих в Афинах и Пирее, гроб с телом Андрея Горенко опустили в могилу, вырытую рядом с могилой его сына, на Афинском (ныне Первом Афинском) кладбище. Присутствовать на похоронах с большими опасениями позволили и Марии Горенко, а венки на свежий могильный холм возложил Союз Русских иммигрантов в Греции.

Одна из газет написала со слов Мильтиадиса Сбаруниса, что Андрей Горенко желал, чтобы его сына, а затем и его самого с женой, похоронили на самом высоком месте кладбища, с тем, чтобы они могли *«вечно иметь перед собой Акрополь, гору Гимет и Саронический залив»*.

Андрей Горенко не оставил после себя никаких долгов. Мильтиадис Сбарунис нашел на столе, кроме письма, запечатанный конверт, в котором лежали 5 драхм, предназначенные для женщины, которая стирала Горенкам белье, а также русская денежная купюра.

Удивительно то, что среди всеобщего хаоса политической жизни Афин того времени в частности, и хаоса мирового в целом, афинская печать уделила столько газетного места двум никому не известным русским эмигрантам.

В течение нескольких дней первые страницы пестрели заголовками, где фигурировали Горенки, журналисты разражались статьями на тему русской эмиграции, вешали о

священном долге Греции приютить русских беженцев, как некогда Россия приютила у себя греков.

Самоубийство Горенко послужило для некоторых очеркистов поводом к размышлению о глубокой нищете, в которой прозябают русские аристократы, потерявшие свое имущество на родине, а также о вызывающем мотовстве греческих плутократов. Ведь 14 февраля, в день похорон Андрея Горенко, в стране открывался сезон зимних карнавалов, завершающихся Чистым Понедельником, ведущим к Великому посту, и некоторые «несознательные афиняне» тратили только на конфетти и на серпантин тысячи и тысячи драхм!

Смерть Андрея Горенко всколыхнула чувства афинского общества, и без того обостренные фронтовыми страданиями, еще не зажившими ранами от Первой мировой войны и Балканских войн, а также предчувствиями грядущих бед и испытаний.

Были созданы Комитеты милосердия и помощи русским беженцам, афинские дамы собирали средства для эмигрантов, журналисты взывали к правящей партии и парламенту, требуя помочь русским. *«Помощь русским эмигрантам – вопрос чести для Греции!»*, - напишет газета «Кафимерини» от 14 февраля 1920 года. *«Русские эмигранты, находящие пристанище в Греции, не должны кончать самоубийством от голода и нищеты! России и русскому народу эта страна обязана многим, может быть, обязана даже самой своей независимостью!»*

Газета «Эмброс» вспомнила об Орловских событиях и о том, как *«мириады греков, спасаясь от турецкой резни, нашли настоящее прибежище и заботу у русского народа и его правительства»*.

Комитет *«В помощь русским эмигрантам»* был создан с завидной быстротой, и в него вошли дамы самых видных афинских фамилий.

Великая драматическая актриса Марика Котопули дала 26 февраля театральное представление, сборы от которого пошли исключительно на нужды русских эмигрантов.

20 февраля 1920 года, неделю спустя после смерти Андрея Горенко, один из виднейших журналистов того времени, Павлос Нирвана, посвятит ему большую статью, в которой, в частности, напишет:

«Вовсе не материальные трудности подтолкнули Андрея Горенко, истинного эллиниста и знатока Греции, и его жену к самоубийству. Просто жизнь потеряла для них всяческий интерес после смерти их драгоценного сына. Если бы не эта трагедия, то они, безусловно, быстро встали бы на ноги. Госпожа Горенко уже довольно хорошо зарабатывала на жизнь уроками французского языка.»

Они никогда ничего и не у кого не просили. Магнит смерти манил их из усыпанной цветами могилы, и они приняли смерть. Как спаслась, как сумела выжить супруга – настоящее чудо...

Несчастный русский прибыл в Грецию, движимый любовью к греческой культуре, греческому языку, греческой истории. Никто не мог и вообразить, какой благородной души, какого аристократического духа был живущий рядом с нами человек. Но, если жизнь его оставалась нам чужда, его могила должна быть окружена всеобщей любовью, а память о нем сохранена нами с благоговением.

Пусть напоенная запахами греческая земля будет ему пухом.

Греческая земля, бывшая его великой любовью и навеки ставшая его могилой!»

Севастопольская фотография, с надписью на обороте «Андрей 20 лет»

Дальнейшая судьба его жены Марии и сына Андрея, родившегося после смерти отца, нам тогда была еще неизвестна, не хватало самого главного «звена»: могила Андрея Горенко и его малолетнего сына Кирилла еще не была найдена.

Ухватившись за единственную ниточку, фразу журналиста Павла Нирваны в газете «Эстия» от 20 февраля 1920 года о том, что Андрей Горенко выбрал могилу для своего сына в самой высокой точке кладбища, мы отправились на поиски последнего пристанища брата поэтессы.

В январе месяце 2009 года поэтесса и художница Иро Никопулу, сотрудница журнала «Планодион», замороженная историей семьи Андрея Горенко, после долгих поисков нашла могилу семьи Горенко – простую белую мраморную плиту, вросшую, казалось в кладбищенскую траву, без малейших признаков какого бы-то ни было ухода. Если бы не поднявшиеся вокруг Афинского кладбища за девять десятков лет высотные дома, а также распрямившиеся во весь рост печальные кипарисы, то с этой высокой точки действительно открывался вид на Акрополь, гору Гимет и Саронический залив.

Кроме выбитых у основания плиты слов «семейный склеп Горенко», на мраморе можно было прочитать еще два имени - «Тэта», написанное по-русски, и «Андреас», написанное по-гречески. Еще одна загадка, разгадать которую стало возможным лишь месяцы спустя, когда упорные поиски и бесконечные беседы привели к нахождению ответа. Оказывается, ни имени Андрея Горенко-старшего, ни имени Марии Змунчилла, последовавшей за своим мужем в могилу в 1939 году, на плите выбито не было, как оба они того, как выяснилось, желали. «Андреас» - имя захороненного в семейной могиле в 1976 году сына трагической пары, Андрея Горенко-младшего, родившегося 30 сентября 1920 года и сраженного раком 8 июня, 56 лет спустя. Выяснилось также, что «Тэтой» называл себя маленький Кирилл, смерти которого не смог вынести трагический отец.

Казалось, на увенчаншемся полным успехом «расследовании» можно было бы поставить и точку. Однако, еще одна обнаруженная деталь не давала покоя «следопытам» журнала: могила Горенко вовсе не была бесхозной. Кто-то за могилу Горенко платил все эти долгие годы, вплоть до 2008 года, и этим «кем-то» был никто иной, как вдова Андрея Горенко-младшего!

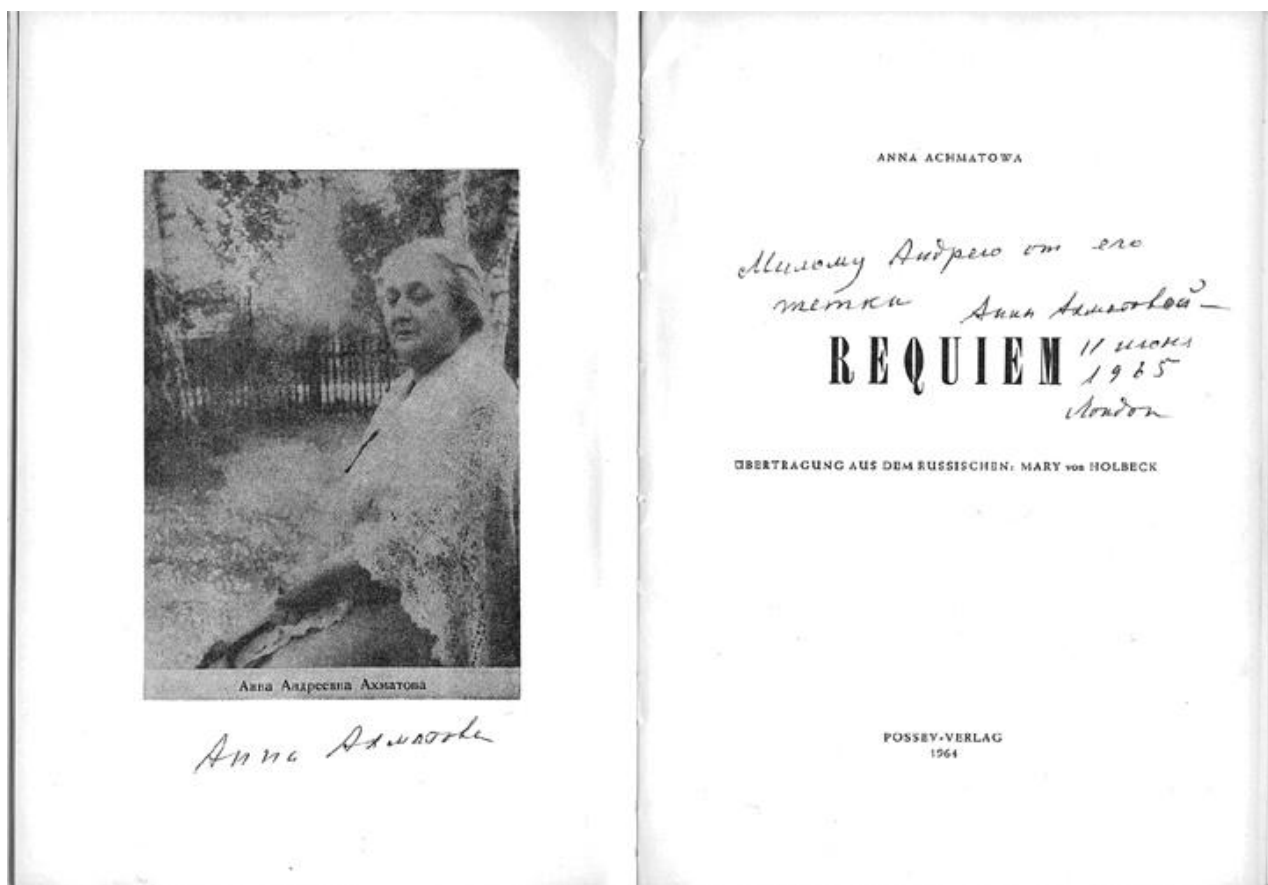
Андрей Горенко-младший и его супруга Лия Косара-Горенко

По мере разматывания клубка, возникали одна загадка за другой: оказывается, похороненная в той же семейной могиле Мария Змунчилла значилась и как Мария Скордули! Неужели она вышла вторично замуж и взяла греческую фамилию? Или же мимолетная фраза о греческих предках семьи Ахматовой обрела свое объяснение таким неожиданным образом? Оказалось, ни то и ни другое. «Скордули» Марию Змунчилла «окрестила» сама бывшая королева Греции Ольга, вернувшаяся в Грецию из Италии из ссылки. Греческое имя королева Ольга дала Марии Змунчилла затем, чтобы она смогла беспрепятственно поступить на государственную службу в Муниципальную Афинскую Больницу и зарабатывать себе на жизнь. Мало того: взволнованная драмой своих соотечественников, русская королева Греции позаботилась и о маленьком Андрее. Она купила ему одежду и все необходимое и содержала на первых порах несчастную вдову Андрея Горенко и ее новорожденного ребенка.

Андрей так никогда и не научился говорить по-русски. Мария Змунчилла постаралась уничтожить все, что связывало ее с прошлым: сын не должен был знать ничего о том, как трагически положил конец своей жизни его отец. О том, что произошло 89 лет назад вдова Андрея Горенко-младшего, 90-летняя сегодня Лия Горенко, узнала из журнала «Планодион». Узнала и связалась с нами, и благодаря знакомству с ней довольно сиротливый пазл заполнился многими драгоценными фрагментами.

Никаких писем, почти никаких старых фотографий в архиве Лии Горенко не оказалось. То, что не успела уничтожить Мария Змунчила-Скордули, уничтожил пожар, случившийся в ее старой квартире. Остались лишь несколько предметов столового серебра, фотография Анны Ахматовой от 19 мая 1912 года, подаренная «на память «Наничке», да ахматовский «Реквием» на немецком языке, врученный «милому Андрею от тетки» 11 июня 1965 года, в день их единственной встречи в Оксфорде, куда племянник поэтессы приехал из Швейцарии по случаю присвоения ей звания Почетного Доктора Литературы.

На каком языке разговаривали два «обломка» некогда большой и счастливой семьи? Лия Горенко утверждает, что на французском. Много фотографий из их общего с Андреем архива Лия уничтожила сама: оставшись на свете совершенно одинокой, она не хотела, чтобы после ее смерти дорогие фотографии были выброшены чужими людьми на помойку. Серебряные предметы, оставшиеся от своей свекрови, которую она знала лишь по рассказам Андрея, несколько фотографий, а также «Реквием» с посвящением поэтессы, Лия Горенко решила передать в дар Музею Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге. «Я уверена, что и Андрей хотел бы, чтобы эти предметы находились у вас, в своей естественной среде». – написала она в своем письме к Музею.

Андрей Горенко-младший рос как обыкновенный греческий мальчик: таков был наказ матери, уничтожившей за собой все мосты, связывавшие ее с прошлым, дабы уберечь своего сына от проклятия, нависшего над семьей.

Проживший недолгую, всего лишь в 56 весен, жизнь Андрей Горенко-младший очень многое, однако, успел.

В 1938 году Андрей Горенко окончил Реальный Лицей в афинском районе Амбелокипи, и Мария Змунчилла, перед смертью, могла гордиться своим сыном в новенькой форме студента Летного училища, «Школы Икаров», куда он поступил, успешно сдав вступительные экзамены.

С началом Второй мировой войны Летное училище переехало в Родезию, откуда Андрей, окончив обучение, отправился на фронт и участвовал в воздушных боях в рядах «крылатой» греческой гвардии.

В 1950-52-ых годах Андрей в составе 13-ой Транспортной эскадрильи, в чине майора авиации, воевал в Корее, заслужил высокие награды за доблесть, и, по возвращении в Афины, стал начальником «Школы Икаров», руководителем своей alma mater.

Казалось, что военная карьера молодого авиатора развивалась, более, чем успешно. Однако, в 1952 же году Андрей Горенко вдруг демобилизовался. Лия Горенко утверждает, что в авиации никогда не забывали о том, что он - русский и притом – левых убеждений, и что демобилизация Андрея была, чуть ли не вынужденной. Следуя своей давней мечте, Андрей поступил в Политехникум на факультет Инженеров-электриков, а в 1958 году, проучившись два года в Нью-йоркском Колумбийском университете, получил звание магистра, инженера-электрика. В том же году Андрей Горенко сочетался браком с Лией Косара, в 1961 году супружеская пара Горенко отбыла в Швейцарию, где Андрей проработал вплоть до 1967 года.

В 1965 году он выехал в Лондон, чтобы встретиться со своей тетей. Как рассказывает Лия, Анна Ахматова, едва завидев его, воскликнула: «Андрюшенька, не говори, кто ты, я и так вижу – ты вылитый Андрей!»

Интересная деталь, которую нам так и не удалось «озвучить»: Лия Горенко рассказала, что, будучи в Америке Андрей встречался со своей тетей, которая была замужем за поляком, и своей двоюродной сестрой, также женой поляка.

В 1976 году, сраженный раком, Андрей Горенко-младший умирает на руках у своей жены. Общих детей у них не было, Андрей растил, как своего собственного ребенка, дочь Лии от

первого брака, которая также безвременно ушла из жизни, погибнув в автомобильной катастрофе.

Тайна смерти брата Анны Ахматовой, Андрея Горенко, оставалась нераскрытой в течение 89 лет. Мария Змунчилла верила, что унесла ее с собой в могилу, убежденная в том, что никому эта тайна более не интересна и не нужна.

15 февраля 2009 года на могиле Кирилла, Андрея Горенко, Марии Змунчилла и Андрея Горенко-младшего афинская литературная интеллигенция, собранная журналом «Планодион», организовала поминки. Поминальную службу служил священник Первого исторического Афинского кладбища, и, наверное, впервые после многих лет, над потускневшим белым мрамором с двумя выбитыми именами – русским и греческим – прозвучали имена Кирилла, Андрея, Марии и Андрея.

Читались стихи Анны Ахматовой – на русском и греческом языках, а затем виолончелистка Claire Demeulenaere и певица Мария Милолидаки исполнили «Тихо льется тихий Дон» Анны Ахматовой, переложенный на музыку афинским поэтом и композитором Харисом Врондосом, написавшим оперу «Анна Ахматова».

Оказалось, что не только сама поэтесса любима и дорога грекам, но и все то, что связано с ней.

Дорога память о брате Анны Ахматовой, так сильно любившем Грецию и так трагически погибшем, о ее кузине и невестке, мужественно принявшей испытание жизнью ради своего сына, наконец, о ее племяннике, родившемся в Греции, выросшем и умершем как грек, защищавшем свою греческую родину и служившем ей.

Поскольку у семьи Горенко не осталось потомства, есть реальная угроза, что могила на Первом Кладбище может быть скрыта, а место, откуда некогда были видны Акрополь, гора

Гимет и Саронический залив – отдано в пользование кому-то другому. Чтобы этого не произошло, Комиссия по защите Афинских памятников при Афинском муниципалитете должна охарактеризовать могилу семьи Горенко как памятник культуры.

С этим требованием в своей статье в центральной газете «Элефтеротипия» от 8 июля сего года афинская интеллигенция обращается к Комиссии муниципалитета, обращение греков горячо поддерживает Российское посольство в Афинах, а также и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге.

Тэта, Андрей, Наничка и Андреас – часть нашей общей культуры, и они заслуживают вечной памяти.

